

Памяти Ю. Карабчиевского

Любят толковать о «писательском призвании», но это еще надо доказать. Юрий Аркадьевич ничего никому не доказывал, он, инженер-электронщик, пошел рабочим на завод ремонтировать какие-то хитрые приборы, так было легче прокормить семью и сохранить независимость. А для стихов и прозы оставались отгулы. Хорошее слово для думающих и пишущих свободно. Вот так он и писал замечательные вещи, относящиеся к лучшему, что есть в сегодняшней русской литературе: «Жизнь Александра Зильбера», «Незабвенного Мишуню», «Тоску по Армении». И до 1988 года ни одной печатной строки на родине. Так он таскал потертый портфель с инструментами и писательствовал — не год-другой, а двадцать лет, попробуйте-ка сами.

Какой это был человек, не расскажешь в некрологе. Только одно: ему были интересны разные люди, но не деланные, не светские. Невероятная чуткость к подлинности и фальши, всякой, житейской и литературной. Он прекрасно знал, что человек и писатель часто раздваиваются в писателе; но все-таки и в литературе он хотел почувствовать, что

за человек автор. Он верил, похоже, в утверждение Уитмена: «Пойми... нет такой уловки, чтобы скрыть от твоих писаний хоть какой-нибудь изъян твоего сердца». Более всех он любил Мандельштама: за слитные поэзию и естество. Он тоже сознавал себя плебеем, из автобусной давни, с той особой, более чем аристократической, гордостью, какая бывает только у людей, у которых нет ничего, кроме достоинства самодельной судьбы, оплаченной ободранными ключьями своей кожи. Вы, надменно болтающие что-то о «шестидесятниках»: да понимаете ли вы, что это первое после террора поколение, когда каждый мог теперь **Вы. БРАТЯ** лично — выйти в отличники, или прижиться, «как все», или задуматься и стать отщепенцем?! А вы — готсвы ли выстрадать биографию? Ведь тоже придется.

Карабчиевский уважительно и отчужденно восхищался теми, у кого достает фантазии, например, на исторические

романы. Сам он мог воображать только о знакомом воочию. Ему хватило бы на тома одних соседей по дому. Он поражает психологическим реализмом, уж извините: термин вроде старомодный. Но интонация и палитра у него безупречно точные, современные, из стоических городских мытарств.

В 1969 году Карабчиевский написал: «Сегодня, в тоске коридора, испарину чувствуя лбом, я понял бессилие спора — любого, с любимым, о любом. Впервые за долгие сроки я понял далекий намер: мы так же с тобой одиноки, как каждый из нас одинок». Я не знавал его настолько еще молодым, переоткрывающим для себя в этом мире самое очевидное и самое невыносимое. «Никто никого не обманет, никто никого не спасет». Так все, конечно, и произошло. Не спасли.

Юра, как больно!

Л. БАТКИН